

ГЕОРГІЙ ДАШКОВЪ ВЪ ССЫЛКѢ, ВЪ НЕР ЧИНСКѢ.

Въ 9-мъ № Волог. Епарх. Вѣдом. 1866 года напечатанъ былъ, въ біографіи вологодскаго пресвященнаго Аванасія Кондонди, разсказъ о бывшемъ ростовскомъ архіепископѣ и вице-президентѣ Св. Синода, Георгіѣ (въ схимѣ—Гедеонѣ) Дашковѣ, который, [вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, лишень былъ въ 1730 году архіерейскаго сана, въ томъ же году сосланъ подъ строгій надзоръ въ вологодскій Спасокаменный, что на Кубенскомъ озерѣ, монастырь, гдѣ томился пять лѣтъ, а отсюда въ 1735 году перемѣщенъ еще въ болѣе крѣпкое заточеніе, въ Сибирь, въ Нерчинскій Успенскій монастырь.

Чтоъ сталося потомъ съ этимъ узникомъ? Получилъ ли онъ впоследствии свободу, какъ получили ее при воцареніи Импер. Елисаветы нѣкоторые изъ пострадавшихъ вмѣстѣ съ нимъ по тому же дѣлу(*), или скончался въ заточеніи? Доселѣ мы не имѣли отвѣтовъ на эти вопросы; даже, по поводу предполагавшейся въ 1738 году продажи оставшагося въ Спасокаменномъ монастырѣ послѣ схимонаха Дашкова имущества, мы высказали мысль, что можетъ быть онъ «по какой нибудь причинѣ, на прим. по болѣзни не былъ перемѣщенъ въ Сибирь и скон-

(*) Епископы—Воронежскій Левъ Юрловъ и коломенскій—Игнатій Смола.

чался въ Каменномъ монастырѣ около 1738 года.)(*) Теперь на означенные вопросы отвѣчаютъ намъ Иркутскія Епарх. Вѣдомости, въ которыхъ въ минувшемъ Январѣ сего года(**) напечатана небольшая статья подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Чтобы окончить начатый нами въ минувшемъ году разсказъ, извлекаемъ изъ иркутской статьи относящееся къ послѣднимъ годамъ жизни Спасокаменскаго узника.

«Декабря 2 числа, 1735 года, господа министры да генераль и кавалеръ Ушаковъ слушали внесенное изъ Тайной Канцеляріи дѣло о содержащемся въ вологодской епархіи, въ Спасокаменномъ монастырѣ, арестантѣ схимонахѣ Гедеонѣ Дашковѣ, и приговорили: онаго Дашкова за вины его, о чемъ явно по дѣлу, изъ Вологодской провинціи послать подъ крѣпкимъ карауломъ въ Тобольскую Губернскую канцелярію, а изъ той канцеляріи сослать его Иркутской епархіи въ Успенской Нерчинской монастырь, и въ томъ монастырѣ содержать его Дашкова до смерти его нивуда неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ, недопуская къ нему, кромѣ караульныхъ, другихъ никого; пищу и одежду давать ему прогивъ прочихъ того монастыря монаховъ; и буде, паче чаянія, впредь будетъ онъ Дашковъ сказывать за другими и за собою *слово и дѣло*, или объявлять станетъ какую важность, и въ томъ ему за подозрѣніемъ ево не вѣрять, о чемъ и ему Дашкову, при посылкѣ его изъ Вологодской провинціи, объявить съ запискою.

«По поводу сего приговора, преосвященный Иркутскій (Иннокентій Неруновичъ), сверхъ увѣдомленія отъ Сибирскаго Губернатора Плещеева изъ Тобольска, получилъ, 8-го Апрѣля 1736 года, указъ изъ Синода отъ 4 Декабря года минувшаго(***)».

(*) Волг. Епарх. Вѣд. 1866 г. № 10, стран. 390, примѣч.

(**) См. Иркутск. Епарх. Вѣд. шестми. года, № 2.

(***) И въ Володу указъ Св. Синода о переводѣ Дашкова въ Нерчинскъ посланъ отъ того же 4 Дек бря, 1736 г. — «Ред.»

Ему строго предписывалось наблюдать, даже лично(*), такъ ли все будетъ относительно Дашкова въ Нерчинскомъ монастырѣ выполняемо, какъ опредѣлено въ Кабинетѣ министровъ и генераломъ Ушаковымъ, подъ опасеніемъ за послабленіе лишенія себѣ Ея Императорскаго Величества милости; а когда Дашковъ принять будетъ въ Нерчинскій монастырь, о томъ требовалось немедленное въ Синодъ донесеніе.

«Отъ 11-го Апрѣля того же 1736 года преосвященный Иркутскій рапортовалъ Синоду, что Гедеона Дашкова отправилъ въ Нерчинскій Успенскій монастырь съ строгимъ наказомъ управляющему монастыремъ іеромонаху Боголѣпу—содержать арестанта такъ, какъ предписано.

«Можно представить, какъ тяжело было свиданіе двухъ іерарховъ, въ странѣ ссылки, одного противъ воли и желанія обязаннаго сурово располагать горькою участію другаго обезчещеннаго, обезславленнаго, между тѣмъ старѣйшаго саномъ и лѣтами. Невольное уваженіе обязывало младшаго іерарха поклониться старѣйшему,—любовь требовала, чтобъ принять несчастнаго въ братственныя объятія,—состраданіе вызывало какое нибудь слово утѣшенія мученику,—но присутствіе окружающихъ узника драбантовъ не позволяло встрѣтить его даже ласковымъ взоромъ, и угроза лишенія державной милости за малѣйшее послабленіе была слишкомъ свѣжа въ памяти епископа Иркутскаго. . . .

«Схимонахъ Гедеонъ Дашковъ скончался въ Нерчинскомъ монастырѣ 17-го Апрѣля, 1739 года.

«Мѣстное нерчинское народное преданіе сообщаетъ объ этомъ страдальцѣ слѣдующія свѣдѣнія: роста Гедеонъ былъ высокаго, сгорбленъ; глаза глубоко впалые; волосы на головѣ отъ глубокой старости пожелтѣли; постоянно молчаливъ. Трое приставленныхъ къ дряхлому старцу караульныхъ ни нашагъ

(*) Нерчинскій монастырь (теперь на мѣсто его приходская церковь) разстояніемъ отъ Иркутска за 1000 верстъ, чрезъ Байкаль.

отъ него не отставали. Въ храмѣ Божиѣмъ, когда Гедѣону, большею частію сидѣвшему отъ слабости силъ на скамеечкѣ, выносили изъ олтаря просфору, строгіе аргусы разламывали ее и отдавали старцу не прежде, какъ по тщательномъ обзорѣ, не запечена ли въ ней какая хартія. Разъ, одинъ изъ этихъ охранителей сдѣлался боленъ, и настоятель Нерчинскаго монастыря іеромонахъ Боголѣпъ требовалъ на перемѣну больнаго изъ мѣстной воеводской канцеляріи другаго солдата, парня дюжаго, чтобъ могъ справиться съ арестантомъ. А арестантъ старецъ едва двигался! . . . Гедѣонъ посадилъ своими руками въ монастырской оградѣ кустъ бузины, который разросся и близь котораго покоятся теперь его страдальческія останки. Кустъ не истребленъ временемъ, и жители Нерчинска часто, особенно въ критическихъ случаяхъ какого нибудь недуга, прибѣгаютъ къ нему, какъ къ вѣрному средству цѣленія, и по вѣрѣ ихъ бываетъ имъ.

«Знаменитый арестантъ скончался. . . Болѣе не нуженъ надъ нимъ надзоръ дюжихъ охранителей. Но отъ него осталось ничтожное имущество, къ которому однакожь не осмѣлилось прикоснуться мѣстное начальство ни свѣтское, ни духовное, безъ разрѣшенія Конторы Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ. Въ то же время, какъ о копчинѣ страдальца доведено было до свѣдѣнія Иркутскаго епископа Иннокентія, воевода Нерчинскій поспѣшилъ донести съ своей стороны Иркутской провинціальной канцеляріи, съ приложеніемъ реестра оставшихся послѣ усопшаго вещей, а сія послѣдняя сейчасъ отправила доношеніе въ канцелярію Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ. И 9-го Января, 1740 года, послѣдовало рѣшеніе такое: святыя иконы, книги и платье отдать въ Нерчинской Успенской монастырь, первыя въ достояніе церковное, а послѣднее раздѣлить монахамъ. Извѣщенный о такомъ рѣшеніи Тайной Канцеляріи чрезъ Иркутскую провинціальную канцелярію, преосвященный

Иннокентій предписалъ указомъ намѣстнику Іову: два образа—Спасителя и Богоматери въ серебряныхъ съ позолотою по полямъ окладахъ и книги—Евангеліе, Апостоль, Требникъ, двѣ Псалтыри, слѣдованную и толковую, записать на приходъ по монастырю; а изъ платяныхъ вещей—шубу лисью поношеную, крытую черной канфой, и другую же лисью поношеную, крытую бабереконь, и полукафтанье лазореваго цвѣта стеженое на бумагѣ, взять намѣстнику; а прочее раздать братіи по приложенному къ указу росписанію. Но прежде, чѣмъ указъ этотъ былъ полученъ въ монастырь, Нерчинскій управитель Илья Чемесовъ, въ силу полученнаго по своей части предписанія, уже распорядился раздѣломъ, вслѣдствіе котораго намѣстникъ получилъ двѣ шубы; іеромонахъ Симеонъ—стеженое полукафтанье; іеромонахъ Гедеевъ Филимоновъ—бѣлую шубу, крытую камкой, двѣ свитки бѣлыхъ и пуховую подушку; іеромонахъ Боголѣпъ Непцѣтаевъ—одѣяло; іеромонахъ Савватій Колычевъ—ветхую лисью шубу и пуховую подушку; монахъ Іосифъ Новограбленныхъ—пуховую перину и двѣ свитки бѣлыхъ; монахъ Иларіонъ Мелентьевыхъ—двѣ свитки, черную да бѣлую; монахъ Θεодосій Бушувъ—холодное одѣяло, пуховую подушку и двѣ свитки бѣлыхъ; монахъ Моисей Куташевъ—тюфякъ стеженой, да одинъ свитокъ бѣлый. И замѣчательно, что вмѣстѣ съ иконами и книгами, записанными въ монастырскую казну, туда же поступили, кромѣ таза зеленой мѣди, ветхій пологъ и такой же ветхій стеженный на бумагѣ камчатный колпакъ покойнаго. Не имѣли ли эти главотяжи и убрусы какого особеннаго значенія для братіи монастыря?...

«Такова исторія челоуѣка, за восемь лѣтъ предъ смертію своею конечно не державшаго въ помыслѣ, что жизнь его томительно окончится на послѣднихъ предѣлахъ Даурина!»